

КРЕСТЬЯНСТВО

И

**ИНДУСТРИАЛЬНАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

КРЕСТЬЯНСТВО И ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Москва
"НАУКА"

Издательская фирма "Восточная литература"
1993

С.П.Поляков

СОВРЕМЕННАЯ СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ДЕРЕВНЯ:
ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ
В КВАЗИИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Вопрос о характере форм собственности на землю в различных азиатских обществах вот уже на протяжении многих десятилетий является предметом спора между обществоведами различных специальностей. В значительной мере толчком к периодически возникающей дискуссии послужило расхождение в интерпретации марксовской схемы формационного ряда развития общества. Любителям пятичленной или пятиступенчатой евроцентристской концепции явно не по душе азиатский способ производства, фрагментарно описанный К.Марксом в первоначальном варианте "Капитала" ¹. По существу, они отказывают азиатским обществам в праве на самостоятельную, неевропейскую модель развития.

Наиболее последовательно в защиту азиатского способа производства выступают специалисты по истории кочевников ². Они справедливо отмечают, что способ добывания материальных благ определяет и формы собственности, и формы социальной организации общества. В этой связи и "кочевой феодализм", якобы существовавший у подвижных скотоводов, предстает плодом догматического конструирования, подгонки истории под схему. Каноническая интерпретация теории исторического материализма загнала реалистическую оценку истории азиатских обществ на многие годы в подполье. Парадокс: обвинением в антимарксизме громил марксизм. Вряд ли есть смысл возвращаться ко всем перипетиям этой печальной страницы отечественной этнографии. Она подробно, хотя и не во всем бесспорно, рассмотрена в журнале "Советская этнография" ³. Важно подчеркнуть, что идея азиатского способа производства (хотя само название нравится не всем ее сторонникам) прочно обосновалась на страницах специальных исследований. Правда, ее приверженцы далеко не равномерно распределились по разным дисциплинам. Боль-

ше всего их оказалось в этнографии. Случайно ли это? Полагаю, что нет.

Этнографы в большей мере, чем другие обществоведы, базируются в своих исследованиях на живом материале - на реально существующем образе жизни. Именно этнографы используют громадный пласт носителей информации, на который другие исследователи (за исключением, пожалуй, тех, кто применяет социологические методы) мало обращают внимания. Но этнографы имеют и еще одно, правда до последнего времени небезопасное, преимущество. В спорах вокруг азиатского способа производства они могут опираться не только на логику, исторические реконструкции и уже так или иначе интерпретированные другими исследователями данные по зарубежному Востоку, но и на независимый источник - этнографические материалы, собранные за последние полвека в советских среднеазиатских республиках. В конечном счете именно эти материалы сильнее, чем что-либо другое, заставляют по-иному посмотреть на современное общество Средней Азии как результат своеобразной трансформации традиционных социально-экономических структур.

Статья, предлагаемая читателю, также основывается на полевых материалах, которые были собраны Среднеазиатской экспедицией исторического факультета МГУ за 35 лет работы на территории всех среднеазиатских республик ⁴.

При анализе форм собственности неизбежно приходится уделять внимание характеристике производительных сил, способам организации производства и распределения (перераспределения) общественного продукта, социальной структуре общества, его политической организации, идеологии, культурным традициям и т.п. В то же время в формах собственности отражается движение истории общества, или на них накладывает сильнейший отпечаток историческая конкретика. В этой связи надо было найти такую аналитическую категорию, которая, будучи достаточно емкой, чтобы вместить все многообразие связей, соединяющих собственность с разными сторонами жизни общества, могла бы послужить ориентиром при сравнении разновременных социально-экономических реалий. В качестве таковой была взята достаточно известная и разработанная категория "индустриальное общество". По отношению к индустриальному обществу в Средней Азии до русского завоевания существовала, в рамках азиатского способа производства, доиндустриальная обществен-

но-производственная система. После 1917 г. постепенно сложилась другая система, которую, по моему мнению, следует определять как квазииндустриальную. Какое содержание я вкладываю в то и другое определение, читатель, надеюсь, увидит, прочитав статью.

И последнее предварительное замечание. Для того чтобы стала понятной ныне существующая в Средней Азии система отношений по поводу собственности как на средства производства, так и на продукт труда, следует совершить хотя бы краткий экскурс в прошлое.

В настоящее время в Средней Азии мы имеем дело с социальным организмом, который менее чем за полтора столетия прошел через три исторические эпохи. Первая, длившаяся вплоть до прихода русских войск, — это время господства стартовой, собственно азиатской, формации⁵. Вторая эпоха начинается с завоевания Средней Азии Россией и прерывается в 1917 г. Это — переходное время, время сочетания сразу трех формационно различных систем отношений. В повседневных, бытовых формах хозяйственной, социальной и культурной жизни по-прежнему бытовали отношения, присущие азиатскому способу производства. В сфере политической — отношения феодальные по своему генезису и в значительной мере по сути, источником и защитником которых была военно-бюрократическая система административно-го управления, созданная в Туркестанском крае царизмом, в сфере экономической — рыночные отношения, стимулировавшиеся российским капитализмом. Взаимодействие трех систем не успело достичь стадии синтеза, осталось на уровне симбиотического сосуществования. При этом те или иные отношения получали преобладающее значение или вовсе не заявляли о себе в зависимости от исторических коллизий и специфики конкретных территорий. Например, если в Ташкенте и в ряде мест Ферганы капиталистические отношения развивались довольно активно, то в Восточной Бухаре и в песках Туркмении о них и не подозревали.

Наконец, третья эпоха, внесшая свою лепту в формирование нынешнего среднеазиатского общества, — это эпоха общественно-го строя, который до недавнего времени называли "социализмом". В чем состоял ее вклад и как он соотносится с вкладом предыдущих эпох, будет показано ниже. Здесь же необходимо отметить очень важное обстоятельство. В сельских районах Средней Азии установление советской власти затянулось и реально заверши-

лось лишь в 30-е годы. К тому времени "социализм" в России растерял большинство собственно социалистических признаков и пришел в аграрное среднеазиатское общество уже в сталинской, общинно-крепостнической форме.

Доиндустриальная система: азиатский способ производства

В первую, "до-российскую", эпоху общественные отношения в Средней Азии опирались на доиндустриальные производительные силы и находились в тесной связи со спецификой трех основных хозяйственно-культурных типов (ХКТ)⁶, которыми был здесь представлен азиатский способ производства. То было сочетание комплексного хозяйства, орошаемого земледелия и подвижного скотоводства. Эти три ХКТ соединились в настоящую систему, оказавшуюся наиболее приспособленной к конкретным природным условиям Средней Азии. О разности ее составляющих свидетельствовала не только экономика. Множественность социальных структур подчас превосходила множественность экономических. Но только при таком единстве в многообразии и было возможно экологически сбалансированное существование людей в регионе.

Из трех перечисленных ХКТ наиболее древним (тем не менее сохранившимся до наших дней) был комплексный⁷. Для него было характерно сочетание орошаемого земледелия с различными видами скотоводства (в том числе и с подвижным), рыболовством и домашними промыслами. Специализация различных отраслей сельскохозяйственной деятельности и ремесленного производства не была развита. Экономика обществ, принадлежавших данному ХКТ, не содержала каких-либо признаков товарности, была замкнутой, самообслуживающейся, что лишало эти общества потенциала саморазвития.

У тех групп населения, что вели комплексное хозяйство (наиболее яркий пример — каракалпаки), значение племенных структур как главных регуляторов общественной жизни сохранялось до недавнего времени. Впрочем, в отдельных ситуациях эти структуры дают о себе знать и в наши дни — как на бытовом уровне, так и в деятельности государственных органов.

Вместе с тем конкретные формы социальной организации очень сильно зависели от того, какое место та или иная группа

занимала в пространстве региона. Чем ближе она была расположена к крупному административному центру, тем заметнее делались в ее облике черты соседской общины и, наоборот, — чем дальше от такого центра, тем большим было значение патриархальных устоев. Кстати, эта зависимость проявлялась и в хозяйственной жизни: удельный вес скотоводства был тем больше, чем дальше от крупных городов располагались группы, ведущие комплексное хозяйство.

Процесс классового расслоения у носителей комплексного ХКТ не пошел дальше возникновения имущественного неравенства. Как правило, у них отсутствовала собственная государственность, а отношения с внешним миром строились по принципу этнического подчинения. Так, в Хивинском ханстве каракалпаки находились в подчиненном положении по отношению к узбекским правителям. В силу этого каракалпакские старшины ("бии"), выступая организаторами экономической и социальной жизни на микроуровне, не имели, однако, реальной политической власти на местах.

Основой следующего ХКТ являлось земледелие. В большинстве районов Средней Азии оно было возможно лишь при искусственном орошении — в оазисах. Посевы под дождь (богара) давали урожай только в горных и отчасти в предгорных районах. При втором ХКТ полеводство, садоводство, бахчеводство и другие растениеводческие отрасли заметно различались между собой по затратам труда и характеру деятельности, т.е. были достаточно высоко специализированными отраслями, что совершенно не было свойственно комплексному хозяйству. Одновременно высоко развитое специализированное земледелие никогда не сочеталось с подвижным ("кочевническим") скотоводством. При благоприятных условиях в земледельческих обществах животноводство получало заметное развитие — но только в форме стойлового содержания скота и отгонного скотоводства⁸. Последнее было наиболее товарным. В XIX — начале XX в. именно богатые отгонные скотоводы, стада которых состояли главным образом из крупного рогатого скота и овец (лошади были немногочисленны, верблюдов разводили редко), были основными поставщиками мяса в оазисы. Сами земледельцы содержали немного скота. В основном это были рабочие и молочные животные, причем часто после окончания сева рабочих быков или продавали, или отправляли на летние пастбища.

Для земледельческого ХКТ были характерны также высокоразвитое ремесленное производство и профессиональная торговля. И практически любой вид хозяйственной деятельности в оазисах отличала хорошо выраженная товарность⁹.

В социально-политическом плане население районов с господством земледельческого ХКТ образовывало наиболее развитую часть среднеазиатского общества. Тем не менее и в них не сложились замкнутые социальные группы, имеющие монопольное право на власть и на владение средствами производства, в том числе землей, — хотя имущественное расслоение было довольно значительным. Выделялись социально-религиозные группы, возводившие свое происхождение к пророку Мухаммеду и его сподвижникам и на этой основе утвердившие за собой привилегированное положение в обществе. Издавна существовали государственные образования, в которых правящая верхушка происходила обычно из племенной аристократии кочевников, тогда как аппарат управления (как на верхних, так и особенно на нижних его этажах) формировался в основном из представителей оседло-земледельческого населения¹⁰.

Третий хозяйственно-культурный тип был представлен подвижным скотоводством. В средней Азии оно, как и два предыдущих ХКТ, имело свою региональную специфику, выражавшуюся прежде всего в видовом составе стада и способах кочевания. Более подвижные кочевники разводили преимущественно овец, верблюдов и лошадей, менее подвижные — крупный рогатый скот. Следовательно, этот вид хозяйственной деятельности был высоко специализирован и в очень большой мере зависел от природных условий. Домашние промыслы в скотоводческих обществах не поднялись до уровня профессионального ремесла. Важное место занимал обмен с земледельцами. Однако при достаточно высокоразвитом обмене общая товарность скотоводческого хозяйства оставалась очень низкой.

Общинно-племенные отношения были господствующими, сословно-классовое расслоение в какой-то мере намечилось только у казахов, да и то в весьма специфической, "реликтовой" форме. А именно: помимо деления на бедных и богатых, в скотоводческих обществах выделялись две большие социальные группы: "белая кость" и "черная кость". К "белой кости" принадлежали ханы и султаны, возглавлявшие племена, к "черной кости" — весь остальной народ. Схожей была и социальная стратификация у туркмен, подразделявшихся на благородных игов и занимавших под-

чиненное положение кулов. В то же время у туркмен не сложилось замкнутой социальной группы, аналогичной казахской "белой кости". У киргизов господствующей верхушкой была племенная знать — манапы. Манапы подразделялись на "главных" и "младших". В большей мере такое деление, как и само манапство, отражало имущественное положение скотовода. Разбогатевший бедняк становился манапом, и, наоборот, обедневший манап переходил в разряд простых скотоводов¹¹.

Характеризуя в целом азиатский способ производства в Средней Азии, следует подчеркнуть важное обстоятельство — все описанные ХКТ не имели единых ареалов распространения, четких пространственных, этнических и уж тем более политических границ¹². В том или ином варианте и в разных пропорциях они были распространены по всей территории региона. Доиндустриальная азиатская система не была здесь монолитно единообразной, скорее напоминала мозаику. Мозаичность проступала уже на уровне отдельных поселений: каждый аул или кишлак занимал особое место, нес свою функциональную нагрузку в экономической жизни той или иной территории¹³, причем такое микрорегиональное разделение труда получало как бы закреплявшее его соответствие в специфических формах социальной организации. А ее мозаичность, в свою очередь, не могла не сказаться и на формах собственности у среднеазиатских народов, что далеко не всегда осознается ее исследователями, но тем не менее находит своеобразное отражение в полярных точках зрения по поводу этих форм.

К сожалению, при характеристике традиционных среднеазиатских обществ историки, опирающиеся главным образом на письменные свидетельства и мало либо вовсе не использующие этнографические материалы, не учитывают еще одно важное обстоятельство. Говоря о таких обществах как о "родо-племенных", они упускают из виду высокую пластичность племенной организации¹⁴. В тот или иной момент исторического времени, на том или ином отрезке исторического пространства и ее собственное строение, и особенности форм собственности, на которых она основывалась, определялись многими факторами. Их совокупное воздействие по-разному проявлялось у разных частей одного народа. Существенные социальные и правовые различия могли возникать в более узких рамках, скажем, в рамках какого-нибудь крупного племенного образования, что в первую очередь

зависело от особенностей хозяйственной деятельности его составляющих. Самым ярким примером тут могут служить туркменские племена теке и иомуты, части которых до недавнего времени или вели подвижное скотоводческое хозяйство, или занимались орошаемым земледелием. Да при этом еще земледелие у тех же текинцев было построено на принципиально разных оросительных системах — от сравнительно простых в подгорной полосе Копетдага до сложных в Тедженском и Мургабском оазисах. Отсюда и разные уровни развития социальных институтов и форм собственности на землю и на воду¹⁵. Аналогичная ситуация сложилась в Хорезмском оазисе у туркмен-иомутов.

Амплитуда подобного рода колебаний у одного племени или народа могла выходить на уровень различий между двумя хозяйственно-культурными типами. Поэтому-то при анализе традиционных социально-экономических структур в Средней Азии этническая или государственная принадлежность населения никак не могут быть основой для обобщений либо, напротив, каких-то членений. Гораздо правильнее в качестве отдельных объектов для рассмотрения брать структуры, сложившиеся в городах степной скотоводческой зоны, горных долинах, больших равнинных оазисах. В настоящей статье при анализе непосредственно форм собственности главное внимание будет удалено тем из них, что доминируют в основных земледельческих (т.е. оазисных) районах.

Квазииндустриальная система:
русский колониализм
и "реальный социализм"

Историческое развитие среднеазиатского общества (как, впрочем, и других, подобных ему) отличалось значительным своеобразием как в формационном, так и в цивилизационном плане. Это своеобразие хорошо видно при сравнении исторического опыта Средней Азии с опытом Западной Европы, причем главную роль сыграло, пожалуй, следующее различие¹⁶.

В средневековье и в начале нового времени развитие ремесленного производства в Европе протекало в тесной взаимосвязи с развитием сельскохозяйственного производства. Первое шло

как бы за счет второго, ремесло как бы выдавало сельскому хозяйству векселя, оплата по которым, как показала историческая практика, происходила значительно позднее. Полностью она была завершена в эпоху машинной индустрии, но сам момент, когда ремесло, набрав за счет сельского хозяйства большой, чем донор, производственный потенциал, начало возвращать долги сельскому хозяйству, наступил раньше. Фактически выданные европейским ремеслом векселя стали оплачиваться уже в конце XVI в. — в виде усовершенствованных орудий труда и большего количества металла, используемого в общественном, в том числе сельскохозяйственном, производстве. В эпоху становления цивилизации сходный процесс выдачи и оплаты векселей шел и в азиатских обществах, шел достаточно гармонично и долго. Но в средние века баланс был нарушен. По каким причинам это произошло — вопрос особый, требующий специального рассмотрения. Для нас сейчас важнее другое — зафиксировать, к чему в конечном счете привело нарушение гармонии процесса. А привело оно к тому, что в Средней Азии не вызрели необходимые внутренние предпосылки и условия появления индустриальных производительных сил, не сложились и формы собственности, способные обслуживать экономическую систему, базирующуюся на таких силах.

Как бы ни хотелось некоторым исследователям увидеть зачатки индустриального общества в Средней Азии до ее завоевания Россией, их желание не подкрепляется серьезной аргументацией. Зачатки эти появились в Средней Азии лишь в последней трети XIX в. — и то в "азиатском" российском варианте. Естественно, что капиталистические отношения за сравнительно короткий срок их распространения в регионе не смогли подорвать устойчивость традиционных ХКТ. Пришелец-капитализм разрушил лишь эмбрион местной индустрии — ремесло, вытеснив с рынка львиную долю производившихся местными ремесленниками изделий. Товарность хозяйств развивалась по линии ввоза из России готовой фабричной продукции и вывоза в Россию в весьма ограниченных количествах специфического сырья — сухофруктов, каракуля, шерсти. Строительство в крае железных дорог имело большое значение, но только подготовило коренную ломку экономических структур. В земледелие русскими переселенцами были принесены новые культуры, агротехнические приемы, орудия, однако и они привились позднее, долгое время оставались

чуждыми и непонятными коренному населению. Что касается капиталистических форм хозяйствования, то, как и в промышленности, они оказались нежизнеспособными. Во всяком случае, на уровне кишлака (общины) старая хозяйственная система сохранилась в принципе.

Царской администрацией были предприняты шаги по защите среды обитания (в первую очередь — горных лесов) и улучшению сортов выращиваемых в крае растений. Эти попытки не принесли желаемых результатов. Впрочем, ни царские чиновники, ни предприниматели не стремились к индустриализации края. Основные усилия и тех, и других были направлены на стимулирование производства хлопка. Часть дахкан действительно "повернулась лицом к хлопку", площади под ним довольно быстро росли, тем не менее собственной хлопковой сырьевой базы российский капитализм создать не успел. К тому же, едва обозначившись, процесс индустриализации Средней Азии был прерван без малого на два десятилетия. Мировая война, революция, гражданская война и басмачество оказались губительными для первых робких ростков индустриально-капиталистической системы производительных сил и производственных отношений. Многого вернулось на "круги своя": площади под хлопком резко сократились, товарность сельского хозяйства снизилась, традиционные ХКТ, избавленные от разлагающего влияния рынка, вернули себе утраченные позиции.

Советская власть очень активно взялась за индустриализацию Средней Азии. Объектами ее усилий стали одновременно и городской, и деревенский секторы экономики. Разница между процессами становления индустриальных производительных сил в городе и в деревне заключалась лишь в том, что городское промышленное производство целиком зависело от привлечения рабочей силы переселенцев из европейской части СССР, Урала и других промышленно развитых регионов страны, тогда как в сельской местности делалась ставка на местные ресурсы. Но по своим качественным характеристикам они были недостаточно подготовлены к тому, что бы сохodu, без заминки обеспечить эффективность процесса индустриализации. Развитие пошло односторонне, без должного учета местных условий. Фактически на селе так и не было создано каких-либо производств, не связанных напрямую с сырьевым комплексом. Не было учтено, что этот комплекс не сможет вобрать в себя трудовые ресурсы деревни,

дать занятость всему сельскому населению и что в город, на сложное современное производство среднеазиатские крестьяне, с их низким уровнем мобильности и элементарной технологической грамотностью, в массе своей не пойдут.

Какова бы ни была сейчас критика в адрес среднеазиатской промышленности, худо-бедно она набирала темпы и развивалась, а диспропорциональность этого развития проявилась не сразу. В деревне же даже малая механизация сельского хозяйства создавала социальную напряженность, так как приводила к высвобождению больших групп людей из земледелия. Особенно негативными были социальные последствия перевода пахоты на тракторную тягу. Каждый трактор заменял от 6 до 10 трудоспособных мужчин, которые, не имея в государственном секторе стабильной занятости и достаточных для содержания семьи доходов, вынуждены были искать компенсацию за счет работы на приусадебном участке и реализации его продуктов на рынке. Получалось, что наращивание отдельных элементов индустриальных производительных сил в сельском хозяйстве не вело к созданию всеобъемлющей индустриально-социалистической системы, а, напротив, стимулировало все больший перелив рабочей силы в сферу занятости, предоставляемому мелкотоварным укладом, по существу, укрепляло последний. Быстрый рост численности сельского населения усугублял ситуацию.

Неподготовленность условий для развития хлопководства в Средней Азии в качестве индустриальной отрасли хозяйства и неоднозначность результатов такого развития были очевидны специалистам. Но власть имущие не хотели замечать ни того, ни другого. Не вдаваясь специально в причины такой политики, отмечу, что ни коллективизация, ни следующие пертурбации государственной аграрной политики не изменили реально строения социальной структуры кышлака (общины), что также работало на усиление позиций мелкотоварного производства. Последнее выступает в виде высокопродуктивного сельскохозяйственного производства, основанного на ручном труде членов семейного коллектива на "приусадебном" участке. Оно полностью ориентировано на рынок. Наемный труд применяется очень редко. Хорошие урожаи получают за счет интенсификации ручного труда и высокого фонитета почв ¹⁷.

Формы собственности в доиндустриальной системе

Что касается непосредственно форм собственности на землю, то они определялись двумя правовыми системами — адатом и шариатом. В связи с тем, что нормы шариата разрабатывались на базе обычного права арабского общества, имевшего много сходных черт со среднеазиатскими адатными нормами, шариат сравнительно спокойно прижился в новой для себя провинции. Это обстоятельство затрудняет разграничение канонических и "языческих" форм собственности.

В специальной литературе достаточно полно описаны формы собственности, основанные на адате и шариате. В обобщенном и формализованном виде они выглядят следующим образом. До вхождения Средней Азии в состав Российской империи все земли, так или иначе ставшие объектом отношений собственности, делились на три основные категории: амляк (государственные), мюльк (частновладельческие) и вакуф (принадлежавшие религиозным и благотворительным учреждениям). Вряд ли возможно установить строгое соответствие между ареалами преобладания того или иного хозяйственно-культурного типа и районами концентрации земель определенной категории. Тем не менее с уверенностью можно сказать, что подвижное скотоводческое хозяйство велось на пастбищах, которые, как и водные источники, являлись собственностью племени. Племена в кочевом обществе выполняли все общественные функции, необходимые для нормального воспроизводства. Только в XIX в. источники фиксируют появления частных колодезев, принадлежавших богатым скотоводам. Скот находился в частной собственности отдельных семей. Естественно, что с переходом кочевников к оседлости картина земельных прав в районах оседания усложнялась, но в общем — она постепенно приближалась к той, что была характерна для земледельческого ХКТ.

Там, где было распространено комплексное хозяйство, формы собственности на землю сохраняли много архаичного, ведущими были общинные традиции. И земля, и вода (арыки) в земледельческом секторе таких обществ принадлежали общинам. Во владении отдельных семей находились лишь сады и виноградники. При оценке правовых норм обществ с комплексным хозяйством необходимо постоянно учитывать, что в них очень большую роль иг-

рали "дососедские" порядки и что реальные родственные связи порой превалировали над соседскими. В скотоводстве собственность племени или его подразделения на пастбища была такой же, как и в чисто скотоводческих обществах. Скот был в собственности семей.

Наконец, в зонах оазисного земледелия были широко представлены земли всех трех категорий. Но здесь в их статусе были свои особенности. Так, амлячные земли считались государственными, но нередко находились в частном пользовании, а в повседневной хозяйственной практике становились объектом общинного регулирования. Участки же, отошедшие в мильк, были неоднородными по их правовому положению. Одни из них больше приближались к европейскому идеалу безусловно частной собственности, другие – меньше. Различия заключались в степени защищенности владельческих прав и в уровне налогообложения мильков. Одни владельцы могли представить документы, подтверждавшие их права, другие – нет; владельцы одних участков (так называемых обеленных мильков) ничего не платили в казну или вносили почти символическую плату, владельцы других выплачивали столь большой налог, что напоминали скорее издольщиков, посаженных на государственную землю, чем собственников.

Со всей определенностью следует подчеркнуть, что при рассмотрении традиционных форм собственности нельзя разделять два необходимых для земледелия в аридной зоне фактора производства – землю и воду. Внутри земельно-водного комплекса соотношение владельческих прав на каждую из его составляющих может быть различным, но в сумме оно всегда дает постоянный результат, некую условную единицу прав. Если много земли и мало воды, в первую очередь регламентируется право на воду и, наоборот, – когда воды много, а земли мало, последняя резко поднимается в цене и становится одновременно и главным предметом правового регулирования, и регулятором благополучия земледельца ¹⁸.

Возможна ли такая идеальная ситуация, при которой между фактором воды и фактором земли достигается равновесие и общество обретает необходимые условия для оптимального функционирования земледельческого хозяйства? Да, возможна, но зависит это от многих переменных, не всегда наличествующих и поддающихся учету. Несомненно, на длительность равновесного сос-

тояния большое влияние оказывают агро-климатические условия, которые по тем или иным причинам, не зависящим от воли человека, могут измениться в худшую сторону; количество влаги в источниках водоснабжения, определяемое не только климатом, но и собственным гидрографическим режимом реки, скоростью заиливания ее русла, частотой блуждания и т.д.; состояние почв, при искусственном орошении склонных к засолению. Могут заявить о себе какие-либо другие силы природы. А кроме того, в реальной исторической действительности мощным дестабилизирующим фактором оказывается демографическая ситуация. Численность людей, живущих на какой-то территории и кормящихся ее продуктами, должна гармонизировать с оптимальным соотношением доступных к использованию при данном технологическом уровне земельных и водных ресурсов. В традиционных земледельческих обществах гармония сохранялась обычно на короткий период, поскольку сама стимулировала рост численности населения, нарушавший равновесие.

Восстановление баланса осуществлялось путем освоения под агрикультуру новых земель, более интенсивного использования влаги из старых источников орошения или введения в хозяйственный оборот новых. В одних случаях это могло достигаться за счет трудовых усилий отдельных семей, в других – посредством кооперации труда в рамках общины, в третьих – требовалось куда большее количество работников, действовавших по единому плану. Общим же было то, что собственником вновь освоенных ресурсов, как правило, становился фактический, или признаваемый за такового, организатор работ по освоению.

На соединении этого общего принципа с бесконечным разнообразием конкретных условий, в которых он применялся, и строилась в Средней Азии система земельных отношений. В своих основах она не противоречила описанной выше общей схеме земельных прав, но была сложнее ее, многообразней. Реальная множественность форм доступа к средствам сельскохозяйственного производства отражала одновременно и множественность субъектов освоения (от главы семьи до государства), и разную степень зависимости крестьян от субъектов более высокого ранга (рода, общины, государства), и различную в разных районах значимость – внутри условной единицы владельческих прав – права на землю и права на воду.

На макроуровне первенствовали земельные права государства, на микроуровне – общины. Отдельный землевладелец стано-

вился собственником только тогда, когда он сам, в одиночку, "оживлял" участок земли, проводя на него воду из "ничейного", т.е. естественного, источника орошения. В абсолютном выражении такой участок редко превышал площадь огорода, да и то — в предгорьях, где была возможность прямого (без магистрального канала или арка) вывода воды из небольшой речки, ручья или родника. То обстоятельство, что тот или иной владелец участка мог им свободно распорядиться, не делало его безусловным собственником. Уже отмечалось, что собственность на землю отдельного индивида становилась максимально приближенной к частной после ее общественной или письменной фиксации. Однако даже такая собственность в подавляющем большинстве случаев могла стать основой хозяйства, лишь оставаясь в общинной системе водопользования. Частное право на землю было ограничено коллективным правом на воду, необходимую для орошения частновладельческого участка¹⁹. И чем меньше была по объему пропускаемой воды оросительная система, тем яснее проступало верховенство общин (особенно заметно — у горцев и недавно осевших на земле кочевников), тем ярче проявлялся правовой дуализм, присущий общинной организации.

Что касается больших каналов типа канала Даргом в Самарканде, то, с точки зрения обыденного сознания, у них не было и не могло быть другого собственника, кроме государства. Этим в значительной мере определялся статус земли, орошаемой водой из таких каналов. Она считалась принадлежащей членам общины постольку, поскольку община в целом отвечала за поддержание в порядке ирригационной системы. Показательно и другое. Как только община или ее часть переселялась на новое место, она теряла право на землю в месте прежнего проживания²⁰. Точнее, в этом случае возникали разные варианты решений. Если сразу же после переселения одной группы ее место занимала другая, то старые насельники еще удерживали какие-то права. Если же между уходом одних и приходом других перерыв был длительным, претензии старых хозяев на землю лишались правового обоснования и безоговорочно отвергались. Играло роль и расстояние: чем дальше выселялись прежние владельцы, тем быстрее терялось их право на оставленную землю. И, конечно, чем слабее были коллективистские традиции у удалившегося населения, тем меньше считались с его правами на землю после ухода с нее²¹.

Суммируя рассмотренные ситуации, можно утверждать, что

владельческие права зависели: во-первых, от самой специфики орошаемого земледелия (нераздельность производительной силы земли и воды); во-вторых, от состояния, в котором пребывала земля или вода (приводится ли их производительная сила в действие или нет); в-третьих, от меры приложения частного труда к общественным по значению производственным сооружениям (участие в чистке, ремонте, проведении каналов и арков); в-четвертых, от пространственно-временных факторов (непрерывность водо-землепользования, степень физической близости хозяина к возделываемому участку). По всем этим параметрам собственность на основные средства производства при азиатском способе производства неизбежно оказывается ограниченной, обусловленной; поэтому нельзя говорить о формировании в Средней Азии частной земельной собственности в полном смысле слова.

Непосредственными ограничителями частновладельческих прав выступали общинный коллектив и государство. Главными орудиями первого были местный обычай и общественное мнение, второго — мусульманское право и фикс. О правовых формах собственности, признававшихся государством, речь шла выше, сейчас рассмотрим роль налогообложения. В районах распространения подвижного скотоводства система регулярного налогообложения отсутствовала. "Налог" периодически мог выступать в виде дани, но это случалось довольно редко.

В земледельческих районах ко всем формам собственности применялся единый принцип налогообложения. Налогом облагался труд, материализовавшийся в виде продукта с земли, а не сама земля. Поэтому с необработанной земли налог вообще не собирали. Государство не интересовало, каким образом был получен продукт, т.е. сам ли владелец обрабатывает землю, или кто-то другой, кому земля сдается в аренду. Не имело принципиального значения и где был получен продукт — с поливных или богарных участков, в полеводстве или других отраслях растениеводства (садоводстве, виноградарстве, бахчеводстве, хлопководстве). Важно было лишь количество полученного продукта. Налог взимался в виде доли урожая, а не фиксированной платы за землю. Следовательно, с увеличением массы полученного продукта увеличивался в абсолютном выражении и налог. Ждать прогрессирующего развития товарно-денежных отношений при такой системе налогообложения — занятие абсолютно бесперспективное.

Различие между налогом с амляковых и мольковых земель за-

ключалось лишь в способах его распределения. С первых налог уходил в казну целиком, со вторых – не полностью, так как налоговая часть урожая в разных пропорциях делилась между государством и землевладельцем. Несколько иная ситуация была с вакуфными землями. Как и амляковые, они обрабатывались на условиях пользования (аренды), а не владения. Отличало же вакуфы то, что налог с них не отправлялся в государственную казну, а распределялся на местах, шел на содержание идеологических учреждений – мечетей, мазаров, медресе. Поскольку в среднеазиатских ханствах не было четкого разделения светской и духовной власти, такая разница в распределении налога оказывалась непринципиальной. Фактически культовые учреждения как часть государственной структуры содержались за счет особого налога, заранее обособленного от остальных видов налогообложения, – просто он не был столь явным, как, скажем, десятина, которая взималась с русских крестьянских хозяйств в пользу православной церкви.

В конечном счете, все собиравшиеся с земли налоги, за вычетом только доли владельцев мюльков, шли государству и целиком расходовались на содержание государственного аппарата, армии и двора, строительство мечетей и медресе. В сельское хозяйство если и возвращалась какая-то часть собранного налога, то она была ничтожно мала. Как правило, все общественные работы по поддержанию в порядке ирригационной сети, дорог и мостов выполнялись за счет населения. Достоверные известия о вкладе значительных средств в развитие земледелия относятся лишь ко второй половине XIX в. Последний кокандский хан Худояр активно занимался сооружением новых оросительных систем, но то было скорее исключением из правила. Изъятие очень значительной доли общественного продукта на непроизводительные нужды стало одной из главных причин застойности азиатского общества.

В таких условиях производительная сила частного хозяйства могла расти лишь до определенных пределов при обязательно "разумном правительстве"²². Но в рамках доиндустриально-азиатской системы любое правительство, если оно не хочет изменить своей собственной природе (и вопрос – может ли, если даже хочет), рано или поздно подавляет частную инициативу в производстве, не допускает экономической независимости индивида и не дает развиться полностью основе этой независимости – частной

собственности. Все это происходило в Средней Азии – вплоть до ее присоединения к России и даже позже.

Формы собственности в квазииндустриальной системе

После завоевания Туркестана колониальная администрация предприняла определенные шаги по упорядочению земельных отношений в новых владениях. В чем эти шаги заключались, сказано в статье А.И.Яковлева и С.А.Панарина, поэтому ограничусь здесь их перечислением и оценкой с точки зрения возникновения в Средней Азии новых форм собственности.

Царская администрация ликвидировала привилегии обеленных мюльковых земель. С них стали взимать налоги, как и с других категорий земли. Были ограничены размеры вакуфных участков, что в значительной мере подорвало могущество духовенства. Очень важным шагом по пути капиталистических преобразований было введение единой ставки поземельного налога, что в какой-то мере давало равные стартовые возможности дехканам. Наконец, появился новый социальный слой – русские крестьяне-переселенцы, принесшие с собой совершенно новые для Средней Азии технологии земледелия и частную собственность на средства производства в земледелии. Кроме этого, начались мероприятия по ограничению свободы распоряжения пастбищами, в частности введен запрет на выпас определенных видов скота в горах.

Царская администрация в значительной мере изменила систему водопользования: были созданы должности государственных мирабов, ведавших распределением воды из магистральных каналов и крупных арыков. Этими постановлениями фактически узаконивалась государственная собственность на воду, и ее ресурсы были поставлены под контроль царской администрации.

В целом указанные мероприятия носили прогрессивный характер, были направлены на раскрепощение производительных сил среднеазиатского общества. Заметно увеличилась доля налога, возвращавшаяся в сельское хозяйство Средней Азии. Вместе с тем, как показало дальнейшее развитие региона, колониальные реформаторы исходили все же больше из российских условий и недостаточно учитывали местную специфику. Прежде всего, не были разрушены старые социальные структуры – общины, которые,

как и раньше, базировались на государственных оросительных системах. Ни технологически, ни социально, ни по формам собственности старые, традиционные порядки не изменились. По крайней мере, на нижнем, аульно-кишлачном, уровне все осталось по-старому — с той лишь разницей, что было упорядочено функционирование властных структур и взимание налога.

Процесс приватизации земельной собственности, начавшийся после присоединения Средней Азии к России, был резко прерван после установления в крае советской власти. Преуспевающие зерноводческие хозяйства были ликвидированы в 1922–1924 гг., когда проводилась земельно-водная реформа. Вместе с островками утвердившейся было частной собственности на землю она смела все зачатки аграрного капитализма, резко сузила возможности для поступательного развития товарного производства в сельском хозяйстве региона. На смену реформе пришла коллективизация, обернувшаяся не чем иным, как восстановлением в прежней ее силе расшатанной в колониальную эпоху соседской общины. Правда, теперь это стала община "индустриальная", на "тракторной тяге", обремененная к тому же некоторыми непривычными для дежкан социальными и политико-идеологическими институтами. Тем не менее в целом колхозная система, в которой личность с ее ответственностью как бы растворялась, господствовали круговая порука, авторитарно-патриархальное управление и отношения типа "патрон-клиент" между начальниками и подчиненными, во многом не противоречила традиционным исламским порядкам и не затрагивала основ привычного жизненного уклада.

С утверждением колхозно-совхозного строя в Средней Азии в основных чертах сформировались квазииндустриальная система и адекватные ей формы собственности. Примечательно, что, хотя эти формы распространены уже не один десяток лет, о них исследователями экономики, права и современной истории Средней Азии почти ничего не написано. Согласно же официальной версии, собственность существует здесь сейчас в трех ипостасях — общенародной, кооперативной и личной²³. Реальная картина намного сложнее. Прежде всего, нет единого субъекта государственной собственности, поскольку права на землю, реализуемые разными подразделениями государственного механизма, неравновелики — если не по закону, то по сложившейся практике.

Вот, скажем, имеется административная система собственности. В ее рамках государственная собственность поделена между административными структурами разного уровня — союзными республиками, автономиями, областями, районами и сельскими советами. Все они считаются собственниками в пределах своей законодательно установленной компетенции, свободно и полноправно распоряжающимися земельными угодьями общего пользования. Так, все знают, что для выделения участка под строительство жилого дома необходимо решение сельского или поселкового совета, для отвода земли под строительство какого-то районного масштаба — согласие районного совета и т.д. В действительности же субъектность советов ограничена существованием параллельной системы собственности, о которой в последние годы говорят очень много — ведомственной. Субъекты, действующие в этой системе собственности, с легкостью отчуждают у административных структур советской власти земельные участки, на которые советы практически теряют права. В дальнейшем этими землями, занятыми производственными объектами, рекреационными учреждениями, спортивными и другими сооружениями, владеют министерства вне зависимости от своего местонахождения, а правом их непосредственного использования обладают структурные подразделения министерств в виде объединений, главков и управлений.

Далее, в двусмысленном положении находится вторая форма собственности — кооперативная. Она имеет мощного совладельца в лице аграрно-промышленного комплекса, присвоившего себе все права собственника. АПК, по существу, лишает колхозы каких бы то ни было реальных прав не только на землю, но и на продукт труда, ставит кооперативную собственность в прямое подчинение иерархическим структурам министерств сельского хозяйства. Тем самым узаконивается собственность государства на земельные, водные и некоторые другие ресурсы колхозов, в результате попадающих в то же положение, что и совхозы.

Затем, третья форма — личная собственность граждан. В сельской местности Средней Азии она включает не только жилье, автомобиль, домашнюю утварь, скот, но и землю. Приусадебный участок формально выделяется крестьянскому двору, колхозам или совхозам, владение им также формально обусловлено работой в общественном секторе сельского хозяйства. На деле он оказывается полной собственностью владельца. Он передается

по наследству, продается и покупается по усмотрению владельцев. Свобода распоряжения сохраняется за ними даже в том случае, если они не живут в данной местности (чего, как помним, не было еще в XIX в.), и общественное мнение будет всегда на стороне владельца в случае его конфликта с колхозом или совхозом. Впрочем, давление этого мнения настолько велико, что конфликтные ситуации возникают редко. Сходное положение и с садовыми участками. Формально права члена садоводческого товарищества распоряжаться своим участком ограничены законодательными актами, реально традиционное по своей сути понимание права собственности на землю верховенствует и здесь: право на владение, однажды зафиксированное общественным мнением, ставится выше законодательно установленных прав.

Наконец, есть еще один субъект собственности, который до недавних пор вообще не входил в официальный реестр. Это так называемые общественные организации — КПСС, профсоюзы, комсомол и им подобные образования, в основном призванные заниматься идеологической работой. Специфика данного субъекта в присвоении им себе сразу и точно определенных, и абсолютно неограниченных прав собственника. С одной стороны, он обладал и обладает полными правами собственника на здания и земельные участки в зоне сельского расселения, хотя недавно некоторая часть земли в сельских районах была им утрачена. Следует подчеркнуть, что по своему юридическому статусу и степени реальной защищенности земли общественных (идеологических) организаций не отличались и не отличаются от вакуфов. Разница только в том, что земли общественных организаций защищает государство, а вакуфы, после принятия закона о свободе совести — еще и исламские институты.

С другой стороны, до отмены ст. 6 Конституции СССР самая сильная общественная организация, КПСС, была верховным распорядителем всех форм собственности, независимо от того, в какую систему субъектных прав они были вписаны (административную, ведомственную, тех же общественных организаций и т.д.). Так, по существу, все мероприятия, связанные с выделением земельных участков, кто бы ни был их получателем, должны были заручиться одобрением партийных органов. И эти же инстанции обладали властью, достаточной для того, чтобы в любой момент лишить любого владельца принадлежащего ему земельного участка. И пока в этом отношении в Средней Азии

каких-либо принципиальных изменений не произошло. Все прочие субъекты были и остаются лишь пользователями и владельцами, различающимися между собой только по степени юридического контроля над землей, доступ к которой они получили от государства.

Что касается нынешней системы налогового обложения, то она очень простая. Заработная плата рабочих совхозов и колхозников в одинаковых размерах облагается подоходным налогом и другими общегосударственными сборами. Производитель, за редчайшим исключением, не имеет ни малейшего представления ни о природе налогов, которые он платит, ни о тех целях, на которые эти налоги расходуются. Это в полной мере соответствует уровню социального развития налогоплательщика. Только один вид налога, выступающего в облике добровольного взноса, четко направляется на определенные нужды. Это налог на содержание культовых сооружений и отправление религиозных обрядов. Без особых натяжек его можно назвать исламским термином "закят". Размеры этого налога стандартны — 10 руб. с самостоятельного хозяйства.

Реальная картина положения в области личной собственности в полной мере раскроется, если обратиться к налогу на приусадебный участок²⁴. Земельные участки, попадающие в личное (частное) владение и пользование сельских жителей, в Средней Азии состоят, как правило, из нескольких, разных по юридическому статусу, категорий. Помимо собственно приусадебного участка, с которого платят чисто символический налог, в частном хозяйстве имеется земля, арендуемая у государства. За нее платится фиксированная в абсолютных размерах, а не в долях часть урожая. Кроме того, размер приусадебного участка может быть увеличен за счет прикупки в небольших размерах колхозной или совхозной земли. Такой способ увеличения надела встречается часто и на бытовом уровне признается вполне законным. В 1984-1987 гг.²⁵ цены за 0,01 га колебались вокруг 2 тыс. рублей в зависимости от качества земли и ее обеспеченности влагой. Наконец, широко эксплуатируются общественные ("ничейные") пастбища. Вне зависимости от поголовья, за выпас скота на них владелец скота не платит ничего — оплачивается только труд пастуха.

Подводя итог сравнительному рассмотрению традиционных для Средней Азии форм собственности на землю и воду и видов собственности, существующих в регионе в наши дни, можно с

уверенностью констатировать, что, несмотря на видимые правовые изменения в структуре отношений собственности и в политической организации общества, реальные формы собственности в сельской местности Средней Азии в основном остались теми же, что и до присоединения к России. Изменились названия, но не суть. Бывшим амляковым и общинным землям ныне тождественны колхозные и совхозные. Сохранили преемственность вакуфы и земли общественных организаций, система налогового обложения — как и прежде, налог выражается не в фиксированной ставке, а в доле урожая.

Единственная ощутимая разница с прошлым — в статусе мюлька и приусадебного участка. Налог на простой мюльк был несравненно большим, чем на приусадебную землю. Аналогом последней был обеленный или фактически освобожденный от податей мюльк. Зато в положении пастбищ все осталось по-прежнему. Как до установления советской власти, так и после ее утверждения пастбища не облагались и не облагаются налогом, были и пребывают в безраздельном пользовании населения. В результате, если брать частное крестьянское хозяйство в "чистом" виде, т.е. без учета приарендовываемого у колхоза и совхоза участка земли, оно в наши дни оказывается безналоговым. Однако это не означает, что вся земельная рента идет непосредственному производителю и, следовательно, именно он в условиях формального господства общественной собственности полностью реализует права, вытекающие из фактической эрозии общественных форм собственности частновладельческими отношениями. Все гораздо сложнее.

Почти 2/3 абсолютной величины земельной ренты достаются другим участникам процесса реализации продукции на рынке ²⁶: перекупщикам, продавцам и рэкету. По существу, место государственного налога на произведенный продукт занял налог со стороны социальной структуры, изымаемый через сферу обращения ее агентами, никак не участвующими в производстве сельскохозяйственной продукции. Ибо ни перекупщик, ни продавец, ни рекетир не вкладывают денег в организацию и развитие производства. Они лишь паразитируют на вкладе государства и на труде производителя, осуществляя таким образом отчуждение формальных (государственных) и реальных (признаваемых общественным мнением частных) прав собственности. В то же время и те, чей труд непосредственно создает прибавочный продукт в сельском

хозяйстве, и те, кто, утвердив свою монополию в сфере обращения, присваивает большую часть этого продукта (а подчас — и часть необходимого), в значительной мере обеспечивают свои доходы за счет третьей стороны. Это — индустриальные подразделения хозяйственного комплекса всей страны, в рамках которого посредством централизованных инвестиций, а также привлечения технологий и инженерно-технических специалистов из-за пределов Средней Азии происходило и происходит строительство ирригационных сооружений, развитие энергетической сети и других абсолютно необходимых факторов регионального сельскохозяйственного производства.

Такова современная ситуация в среднеазиатской деревне, где большинство трудоспособного населения (до 70%) практически не занято в колхозно-совхозном хозяйстве, где, независимо от субъективных устремлений власть имущих, регенерируются до советские, точнее, докапиталистические формы собственности, возрастает значимость общинно-махалля, авлода, большесемейных коллективов, где по каналам формирования общественного мнения (кадм, гап), укрепляется влияние сил, паразитирующих и на государственности, и на крестьянском владении, ²⁷ и на труде индустриальном, и на труде доиндустриальном. Очевидно, что в такой ситуации нельзя рассчитывать на быстрое вхождение Средней Азии в постиндустриальную стадию развития и даже на подтягивание ее до уровня развития производительных сил, достигнутого в европейской части бывшего СССР.

Случайно ли создавшееся положение? На мой взгляд, ответ однозначен: нет, не случайно! Средняя Азия так и не вырвалась полностью из тисков азиатского способа производства. Правда, Октябрьская революция вытаскала дехканина из безземелья. Но едва начавшись, поступательное движение к самостоятельному, свободно развивающемуся крестьянскому хозяйству (а в перспективе — к высокотоварному фермерскому) было прервано насильственной коллективизацией. По существу, была сделана попытка установить в Средней Азии аграрные порядки, генетически восходящие к российскому крепостничеству, но с передовой индустриальной технологией впридачу. Следствием и явилось образование квазииндустриальной общественно-производственной системы, в которой отдельные элементы действительно индустриальных сил фантастическим образом оказались переплетены с занесенными извне организационно-правовыми

формами способа производства, живо ощущающимися как на базисном, так и надстроечном уровнях, и с социалистическими лозунгами.

Тем не менее стихийные экономические процессы не были пресечены раз и навсегда, первоначальное накопление капитала, прерванное было революцией, гражданской войной и коллективизацией, возобновились в 50-60-е годы, лишь сменив своих социальных субъектов. Но в чем оно заключалось, каким образом шло, что ему способствовало — это уже предмет особого исследования; здесь достаточно будет сказать, что оно привело скорее к инволюции квазииндустриальной системы, чем к накоплению необходимого ресурсного и социального потенциала для ее преобразования.

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант "Капитала"). Ч. I. М., 1980, с. 467-470.

² Подробно см.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

³ См.: Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества. — Советская этнография. М., 1982, № 4.

⁴ Дальше в статье ссылки на полевой материал будут даваться по единой форме (например, ПМ СКЭ 1980 — полевые материалы Среднеазиатской комплексной экспедиции 1980 г. Полевые записи хранятся в архиве кафедры этнографии МГУ).

⁵ Подробно концепция автора на "дороссийский" период истории Средней Азии изложена в кн.: Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

⁶ О ХКТ см.: Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. (К постановке вопроса). — Советская этнография. М., 1955, № 4; Поляков С. П. Историческая этнография. с. 23-81.

⁷ Об этом см. Народы Средней Азии и Казахстана. Сер. "Народы мира". Т. I. М., 1962, с. 413; Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная

структура и расселение в XIX — начале XX вв. Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. IX. М.—Л., 1950.

⁸ При этой форме скотоводческого хозяйства скот на пастбищах содержался только в теплое время года. Зимой животные находились в хлевах. Важным отличительным признаком такого вида скотоводства является заготовка корма на зиму по полному рациону.

⁹ См.: Поляков С. П. Историческая этнография. с. 25-42.

¹⁰ Там же, с. 81-122.

¹¹ Характеристика этого ХКТ дана по: Акмолдоева Б. Б. Коневодство в системе традиционного хозяйства киргизов (конец XIX — нач. XX в.). Автореф. канд. дис. М., 1983; Марков Г. Е. Кочевники Азии: Поляков С. П. Историческая этнография, с. 43-50.

¹² Файзуллаев М. Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и социальная организация (конец XX в.). Автореф. канд. дис., 1987, с. 56 и сл.

¹³ Там же, с. 124-125.

¹⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 310.

¹⁵ Поляков С. П. Историческая этнография. с. 108 и сл.

¹⁶ Здесь я опираюсь на взгляды Л. И. Рейснера. См., например, Рейснер Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада. — Города на востоке. Хранители традиций и катализаторы перемен. М., 1990, с. 10.

¹⁷ Подробнее см.: Поляков С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989, с. 16-29.

¹⁸ См., например, Социальная история народов Азии. М., 1975; Марков Г. Е. Кочевники Азии; Кисляков Н. А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1977.

¹⁹ Например, в Ахальском оазисе (Туркмения), где отсутствовали крупные оросительные системы, источниками орошения служили небольшие речки, ручьи, кяризы и был, во всяком слу-

че в XIX в., дефицит воды при наличии больших земельных площадей, годных к обработке, ситуация выглядела по-иному.

Здесь утвердилась собственность каждой семьи на воду. См.: Н у р м у х а м е д о в К. Из истории земледелия туркмен Ахала.—Вестник МГУ. Сер. "История". М., 1961, № 4; К о - п и г W. Die Achal-Teke. В., 1962.

20 П о л я к о в С. П. Историческая этнография, с. 107 и сл.

21 Б у ш к о в В. Н. Население Северного Таджикистана (формирование и расселение). Автореф. канд. дис. М., 1988.

22 ПМ СКЭ 1984. Ленинабадская область ТаджССР.

23 См. соответствующие разделы Конституций среднеазиатских республик.

24 П о л я к о в С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе, с. 17, 27.

25 ПМ СКЭ 1984—1987. Ленинабадская обл. ТаджССР.

26 П о л я к о в С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе, с. 25—27.

27 П о л я к о в С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе, с. 13—17, 69 и сл.

И.Л.Соя-Серко

ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТРЕТЬЕГО МИРА: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Согласно мнению многих исследователей, центр тяжести глобальной экологической проблемы перемещается в страны третьего мира. Можно оспорить этот тезис, аргументируя планетарный характер деградиционных изменений природной среды. Нельзя не признать, однако, что по формам проявления и по своим социальным последствиям экологический кризис болезненнее всего сказывается именно на развивающихся странах. Здесь происходит беспрецедентное по своим масштабам нарушение репродуктивной способности биосферы, т.е. подрывается сама основа ее существования: возобновимые ресурсы переходят в категорию невозобновимых. В результате природной базы своего существования лишается основная часть жителей третьего мира — это сельское население, непосредственно зависящее от способности природной среды к восстановлению.

Сложность ситуации заключается в том, что ухудшение природных условий предстает не просто дополнительным препятствием на пути поступательного движения развивающихся стран, а доказательством необходимости изменения направления этого движения. Современные противоречия в сфере природопользования развивающихся стран не могут быть автоматически разрешены в ходе экономического роста. Они не могут быть сняты и отдельными природоохранными мерами. Сегодня становится все более ясно, что будущий характер социально-экологической ситуации развивающихся стран зависит от их способности найти альтернативный путь развития, путь, при котором экономическое развитие будет увязано с принципами экологической допустимости.

Проблема состыковки экономических и экологических критериев общественного прогресса является ключевой в поисках путей к устойчивому развитию во всех группах стран. В развитых капиталистических странах — это проблема изменения